

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
— для —
БРАЙАР КРИК

18+

ЗЛАТА РОМАНОВА

Злата Романова

Колыбельная для Брайар Крик

<https://litres.ru/74610729>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тихом городке на двадцать пять тысяч жителей каждые три месяца находят мёртвую девушку. Все они молоды, одеты в юбки и колготки, и ни на одном теле нет следов убийцы. Детективы Майкл Доннелли и Джозеф Мартинес, никогда не видевшие ничего подобного, проверяют ссыльного рабочего, школьного тренера и владельца универмага, а страх тем временем меняет город: люди перестают здороваться, а родители запрещают дочерям выходить из дома.

Чем дальше идёт расследование, тем яснее становится, что убийца не выслеживает жертв. Они сами подходят к нему, потому что хотят помочь. Детективам нужно остановить того, кого никто не замечает, и не дать городу перестать быть добрым.

Содержание

Глава 1. Суббота в октябре	4
Глава 2. Хартвеллы	7
Глава 3. Брайар-Крик Сегодня	10
Глава 4. Ужин	15
Глава 5. Январь	20
Глава 6. Браслет	26
Глава 7. Универмаг	32
Глава 8. Тридцать восемь камер	36
Глава 9. Южная ветка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Злата Романова Колыбельная для Брайар Крик

Глава 1. Суббота в октябре

Собака нашла её в семь утра, в первую по-настоящему холодную субботу октября.

Старик Хэнк Олсон гулял с лабрадором вдоль лесополосы за заправкой, как делал каждое утро последние одиннадцать лет, с тех пор как похоронил жену. Пёс вдруг рванул с поводка и залаял так, что Хэнк еле удержал его. Потом он увидел то, что было в траве, и поводок выпал из руки.

Детектив Майкл Доннелли приехал через двадцать минут. Ему было сорок семь, и за двадцать два года службы он видел драки в барах, семейные скандалы, пару утонувших и один раз пожар с жертвами. Он привык к мысли, что в Брайар-Крик люди умирают от глупости, пьянства или старости.

Он остановился у жёлтой ленты и почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Звонили из участка, — сказал за спиной напарник. — Говорят, ты побледнел ещё по рации.

Джозеф Мартинес, тридцать три года, пришёл в отдел

шесть лет назад из армейской полиции. Он тоже никогда не видел ничего подобного, но умел держать лицо.

— Заткнись, Джо, — тихо сказал Майкл. — Просто заткнись и пойдём.

Девушка лежала на боку, аккуратно, словно кто-то хотел, чтобы её нашли. Совсем молодая, лет двадцати двух. Тёмная юбка от рабочей формы, на ногах колготки. На шее была затянута вторая пара, и от этого вокруг горла застыла страшная синева. Майкл заставил себя посмотреть на лицо и сразу пожалел: оно было спокойным, и от этого становилось только хуже.

— Документов нет, — сказал Джозеф. — Но патрульный её узнал. Эмили Хартвелл, официантка из «Кофейни у Мэйн-стрит». Вчера закрывала смену, домой не дошла. Мать подала заявление в полночь.

— Следы? — спросил Майкл.

— Земля твёрдая, трава сухая. Ничего. Ни обёртки, ни окурка, ни отпечатка.

Они стояли над телом молча. Рядом шумели сосны, на заправке громко работал генератор. Обычная суббота обычного городка, и тут лежала Эмили.

— Это не «бытовуха», Майк, — наконец сказал Джозеф, и голос у него немного дрогнул. — Этот человек знал, что делает.

— Знаю.

— И у нас нет ни одного следа.

— Знаю, Джо.

Эксперты приехали около девяти. Следом подъехал белый фургон окружного морга, из которого вышел высокий худощавый мужчина в сером пальто. Он тихо поздоровался с Майклом, надел перчатки и склонился над телом с тем бережным вниманием, с которым работают люди, привыкшие к тишине.

— Уолтер Пирс, — шепнул Джозеф. — Новый прозектор, перевёлся к нам в сентябре. Говорят, лучший в штате.

— Лучше бы его работы у нас не было, — отозвался Майкл.

Уолтер Пирс поднял глаза от тела и коротко, с сочувствием кивнул детективам.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Я сделаю всё, чтобы ей помогли хотя бы после.

Глава 2. Хартвеллы

Мать Эмили открыла дверь раньше, чем Майкл успел постучать. Линда Хартвелл не спала всю ночь: она сидела в кухне в пальто, словно собиралась ехать искать дочь прямо сейчас.

— Это она? — спросила Линда и посмотрела не на Майкла, а на Джозефа, как будто молодой надёжнее и скажет правду.

— Мэм, — начал Джозеф и запнулся. — Да. Мне очень жаль.

Она не закричала. Просто села на стул, медленно, как садятся очень старые люди, и стала смотреть на клеёнку.

Сорок минут они задавали вопросы, от которых сами хотели провалиться сквозь землю. Враги? Нет. Ухажёр? Давно расстались, он уехал в Огайо. Странные звонки, незнакомцы, чувство, что за ней следят? Линда качала головой. Эмили была тихая и смешливая, работала в кофейне, копила на колледж и всегда шла домой по освещённой Мэйн-стрит.

— Но не вчера, — сказала Линда у самого порога. — Вчера она позвонила и сказала, что задержится: «Мам, не жди, я скоро». Скоро — это через час. Она никогда не врала.

Кофейня «У Мэйн-стрит» ещё не открылась, но Дана, напарница Эмили, уже стояла за стойкой с красными глазами и стаканом воды.

— Она была какая-то... другая последние две недели, — выдавила Дана. — Весёлая, такая заводная. Знаете, как бывает, когда человеку кто-то нравится.

— Кто?

— Не знаю. Приезжий какой-то, я его раньше не видела. Заходил каждый день, садился у окна, брал чай и книжку. Тихий, незаметный, лицо такое, что через минуту забудешь. — Дана вытерла глаза запястьем. — Эмили поспорила со мной на десять долларов, что заставит его улыбнуться. Подходила к нему, шутила, наливала чай. А он смотрел вниз. Не на неё, а как будто мимо.

— Имя? — спросил Джозеф.

— Не знаю. Мы же не разговаривали, просто... клиент.

Майкл записал: «Неизвестный мужчина, приезжий, посетитель кафе, 2 недели». Снизу, подумав, дописал: «Лесопилка? Бишоп?»

На улице Джозеф остановился у машины и достал телефон.

— В городе за последние полгода поселились одиннадцать человек, — сказал он, листая список. — Из них трое мужчин подходящего возраста. Один из них только что вышел на условно-досрочное. Рэй Бишоп. Шесть лет за вооружённое нападение, три месяца работает на лесопилке, как раз рядом с лесополосой.

— Понятно, — сказал Майкл.

— Слишком просто?

— Просто бывает редко. Поэтому мы за ним сначала посмотрим.

К полудню позвонил из морга Уолтер Пирс. Голос его был ровным и очень тихим, как у человека, привыкшего говорить там, где не нужно повышать голос.

— Предварительное заключение готово, детектив. Смерть от удушения лигатурой, примерно между одиннадцатью вечера и часом ночи. Кожа под ногтями чистая. Волокон, чужой ДНК, следов борьбы нет. — Он помолчал. — Я бы сказал, что работал очень аккуратный человек. Мне жаль, что ничем не могу вас обрадовать.

— Вы сделали что могли, — сказал Майкл и повесил трубку.

Он ещё долго смотрел на телефон. Было что-то в этом голосе, чего он не мог назвать, но через минуту сам себя оборвал: человек просто устал, как и все они.

Глава 3. Брайар-Крик Сегодня

Выпуск в 18:00, понедельник

Шерил Дэвенпорт вела вечерние новости двадцать восемь лет. Она читала прогнозы погоды, объявления о ярмарках и результаты школьных матчей, и голос у неё был такой же ровный, как у соседки, зашедшей на чай. Сегодня он дрогнул на первой же фразе.

— Добрый вечер. В субботу утром в лесополосе за заправкой на девятом шоссе было найдено тело двадцатидвухлетней Эмили Хартвелл, сотрудницы кофейни на Мэйн-стрит. Полиция расследует случившееся как убийство. Подробности не разглашаются. — Она положила ладонь на лист, чтобы тот не дрожал. — Мы с Эмили виделись всего однажды, когда она выиграла школьный конкурс по орфографии. Ей было одиннадцать. Она тогда подарила мне открытку.

Картинка сменилась. Площадь перед мэрией, вечер, сотни людей с бумажными стаканчиками, в которых дрожали огоньки свечей. У каменных ступеней росла гора плюшевых медведей и тетрадных листов с детскими надписями. Корреспондент шёпотом говорил в микрофон, что такого на его памяти в городе не было.

Мэр Харлан Бёрнс стоял на ступенях без шапки, хотя шёл мелкий дождь.

— Это наш дом, — сказал он. — Мы не позволим страху

сделать его чужим.

Шеф полиции Роберт Шоу был лаконичнее.

— Мы работаем круглосуточно. Просим жителей, особенно молодых женщин, не ходить в тёмное время суток в одиночку и сообщать о любых подозрительных людях.

В кадр на секунду попала Линда Хартвелл. Её вели под руки две соседки. Потом камера ушла в сторону, и экран заполнили лица людей на площади.

* * *

В комнате отдыха участка Майкл смотрел запись с чашкой остывшего кофе.

— «Не ходить в одиночку», — сказал за его спиной Джо-зеф. — Теперь каждый парень в городе будет коситься на любую девушку, которая идёт одна, а каждая девушка на любого парня.

— Шоу нужно было что-то сказать.

— А нам нужно что-то найти.

Он бросил на стол папку. Список приезжих за полгода: одиннадцать человек, трое мужчин нужного возраста.

— Первый — коммивояжёр, торгует кормами для скота. В пятницу вечером он ужинал в мотеле в сорока милях отсюда, чек есть, свидетели есть. Второй — студент-практикант в ветеринарной клинике, ему двадцать, он весь вечер играл в баскетбол в спортзале. Остаётся Рэй Бишоп.

— Едем, — сказал Майкл.

* * *

Лесопилка гудела так, что приходилось кричать. Бригадир Лу Гибсон вытирал руки ветошью и смотрел на детективов с видом человека, которому не нравится, что его дело пахнет полицией.

— Бишоп? Хороший работник. Не пьёт, не опаздывает, лишнего не говорит. В пятницу ушёл в шесть вместе со всей сменой.

— Куда?

— А мне почём знать? Домой, наверное. У него трейлер за рекой, вы же знаете.

Рэй Бишоп вышел из цеха сам, не дожидаясь, пока его позовут. Высокий, жилистый, с шрамом через левое предплечье, виднеющимся из-под закатанного рукава. Он остановился в трёх шагах и спрятал руки в карманы комбинезона.

— Это насчёт девчонки из кофейни, — сказал он. Не спросил, а сказал.

— Где вы были в пятницу после шести? — спросил Майкл.

— Дома. Один. Ужинал, смотрел телевизор, лёг в десять. Алиби нет, если вы за этим пришли.

— Вы её знали?

— Нет. Я в кофейнях не бываю. — Бишоп чуть повёл плечом. — Послушайте. Я шесть лет отсидел за то, что ударил человека бутылкой в баре. Не за то, что убил. Я вышел, чтобы работать и жить тихо. Если вам нужно меня запереть, за-

пирайте. Только Эмили это не вернёт.

Он посмотрел на Майкла прямо, и в этом взгляде не было ни наглости, ни страха. Только усталость.

— И ещё одно. Через неделю сюда придут с вилами. Не вы, а они. Люди так делают, когда им страшно.

* * *

К вечеру Майкл всё же заехал к трейлеру Бишопы. Без ордера, просто посмотреть. Через окно была видна комната: диван, старый телевизор, на столе банка растворимого кофе и стопка пустых банок из-под энергетика. Ни одной книги, ни одной чайной коробки.

Он вспомнил слова Даны из кофейни: «Приезжий, брал чай и книжку».

— Что? — спросил Джозеф, когда Майкл вернулся в машину.

— Ничего. Это не он.

— Чего «не он»?

— Не знаю. — Майкл завёл двигатель. — Но если мы сейчас привяжемся к Бишопу, настоящий убийца будет сидеть в кофейне и пить чай.

* * *

Выпуск в 18:00, пятница

— На этой неделе в городе случилось то, о чём мы не хотели бы рассказывать, — сказала Шерил. — В интернете распространилась информация о том, что подозреваемым в деле Эмили Хартвелл может быть сотрудник лесопилки с су-

димостью. Полиция опровергла это. Но вчера вечером в окно дома этого человека бросили кирпич.

На экране мелькнули кадры: трейлер за рекой, разбитое стекло, жёлтая лента. Чуть поодаль, в стороне от камеры, стоял сам Бишоп, прислонившись к стене и скрестив руки. Рядом с ним был мужчина в сером пальто, и он что-то говорил ему вполголоса. Камера пошла дальше, и разглядеть его не успели.

— В тот же вечер на площади прошла вторая акция памяти, — продолжила Шерил. — Среди пришедших проститься были одноклассники Эмили, коллеги из кофейни и многие жители города, которые никогда её не знали. Мэр Бёрнс сообщил, что город выделил дополнительные средства на освещение улиц и патрулирование окраин.

Она сложила листы и посмотрела в камеру, как смотрят не на зрителей, а на соседей.

— Берегите себя. Берегите друг друга.

В комнате отдыха Майкл выключил телевизор.

— Три месяца, — сказал он вслух неизвестно кому. — Через три месяца всё это станет привычным. Это самое страшное, Джо.

Он ошибался. До января оставалось одиннадцать недель, и привычным не стало ничего.

Глава 4. Ужин

Дом Доннелли стоял на тихой улице с клёнами, и в ноябре каждое окно на ней светилось одинаково уютно. Майкл заглушил двигатель и несколько минут сидел в машине, глядя на жёлтый квадрат кухни. Там его жена Кэрол что-то мешала на плите. Он знал этот силуэт двадцать четыре года.

Он ненавидел эти минуты. Дома надо было вспомнить, как выглядит нормальный человек, и стереть с лица всё, что принёс с собой.

— Ты пахнешь лесопилкой, — сказала Кэрол, не оборачиваясь. — Раздевайся в коридоре, тушёнка будет через двадцать минут.

— Где Софи?

— Наверху. Готовится к презентации.

Софи было девятнадцать, и учиться она ездила в колледж за сорок миль. Три года назад Майкл гордился тем, что она вообще поехала. Теперь он каждое утро ловил себя на мысли, что лучше бы она осталась дома и пошла на курсы бухгалтеров в двух кварталах.

За ужином говорили о пустяках. Кэрол рассказывала про соседку, которая завела пятую кошку. Майкл кивал, ел и не чувствовал вкуса. Перед глазами стояла трава, аккуратно уложенные руки, спокойное лицо. Он тряхнул головой, и Кэрол посмотрела на него поверх вилки.

— Ты опять не здесь.

— Здесь.

— Майк, — тихо сказала она. — Я не прошу рассказывать. Я прошу только не делать вид, что всё нормально.

Он хотел ответить, но по лестнице уже спускалась Софи.

Она была в тёмно-серой юбке до колен и в тонких чёрных колготках. Строгий вид для защиты проекта: так одеваются, когда хотят, чтобы тебя воспринимали всерьёз. Она на ходу собирала волосы в хвост, улыбалась, что-то говорила про автобус на шесть сорок.

Майкл услышал, как звякнула о тарелку его вилка.

— Переодевайся, — сказал он.

— Что?

— Переоденься. Надень джинсы.

Софи замерла на нижней ступеньке. В кухне стало очень тихо.

— Пап, у меня защита. Мне нельзя в джинсах.

— Тогда я отвезу тебя сам.

— Ты не можешь возить меня каждый день за сорок миль!

— Софи, — сказала Кэрл.

— Нет, мам, пусть объяснит. — Голос дочери дрожал, но она не отступала. — Что я должна сделать? Не выходить из дома? Носить мешок? Девочки в группе уже пишут в чате: «Не носите юбки, он выбирает таких». А кто сказал, что он выбирает таких? Полиция вообще что-нибудь знает?

Майкл сжал пальцы под столом. Он не отвечал, потому

что она угадала. Эмили Хартвелл в тот вечер была в рабочей юбке, но это было всего одно убийство, одна девушка, ничего не доказывающее совпадение. Он твердил себе это неделю. И всё равно, глядя на дочь, видел не её, а чужое тело в траве.

— Мы пока ничего не знаем, — выдавил он.

— Тогда почему ты на меня так смотришь?

Он встал. Хотел обнять её, но вместо этого сказал глупое и злое:

— Потому что я не хочу получить звонок из лесополосы.

Тишина стала такой, что слышно было, как тикают часы над холодильником. Софи побледнела. Кэрол закрыла глаза.

— Прости, — быстро сказал Майкл. — Софи, я не то...

Но дочь уже развернулась и пошла наверх. Дверь её комнаты хлопнула не сильно, а очень тихо, и это было хуже любого грохота.

Кэрол встала, начала собирать тарелки. Потом остановилась с ними в руках.

— Ты не хотел.

— Не хотел.

— Но сказал. — Она поставила тарелки в раковину. — Знаешь, чего она боится больше, чем маньяка? Что ты перестанешь видеть в ней дочь и начнёшь видеть в ней потенциальную жертву. Девочки это чувствуют.

Майкл ничего не ответил. Он стоял и смотрел, как вода набирается в раковину.

* * *

Через час он поднялся наверх и постучал. Из-за двери не ответили, но и не заперлись. Он вошёл.

Софи сидела на полу, спиной к кровати, с ноутбуком на коленях. Юбку она не сменила, но сняла колготки и осталась в носках.

— Пап, если ты будешь возить меня каждый день, я сойду с ума, — сказала она, не поднимая головы. — И ты тоже.

— Знаю.

— Я не дура. Я возвращаюсь в светлое время, пишу тебе из автобуса, не хожу одна в темноте. Но я не могу не жить, пап.

Майкл сел рядом, на пол, и колени хрустнули. Некоторое время они молчали.

— Я двадцать два года видел только глупые смерти, — сказал он наконец. — Драки, пьяные аварии. Всегда понятно почему. А тут... я не понимаю, зачем. И от этого страшно за всех.

— Тогда пойми, — просто сказала Софи. — Ты же детектив.

Он усмехнулся, впервые за неделю.

— Я стараюсь.

— Тогда я надену джинсы, пока не поймёшь. — Она наконец подняла на него глаза, красные, но спокойные. — Но не потому что боюсь. А потому что тебе так спокойнее.

Он обнял её, неловко, как обнимают взрослых детей, которым давно не нужна помощь.

Внизу Кэрол выключила свет на кухне. А Майкл, выйдя в коридор, ещё долго стоял у лестницы и слушал, как в доме слышно дыхание всех троих.

Он знал, что нарушил главное правило полицейского: принёс работу домой. И понимал, что с этого вечера уже не оставит её за порогом.

Глава 5. Январь

Звонок раздался во вторник, в середине января, в девять двенадцать вечера. Майкл стоял у раковины с мокрой тарелкой. Кэрол впервые за два месяца разрешила ему «заслужить прощение» мытьём посуды. Номер был незнакомый.

— Детектив Доннелли? Это Дана, из кофейни. Вы оставили карточку.

Голос был тихий, слегка запыхавшийся, на фоне что-то звякало: она ставила чашки на полки.

— Я не знаю, может, это ерунда. Я вспомнила про того приезжего. Он один раз заговорил со мной. Всего один раз. Я тогда не придавала значения, а сегодня вдруг поняла, что это было странно.

— Что он сказал?

— Не по телефону. Вы подумаете, что я выдумываю. Давайте завтра в обед? С часу до двух у нас затишье.

— Дана, я могу заехать прямо сейчас.

— Не надо, я закрываюсь, мне ещё кассу сверять. Миссис Марлоу ушла с мигренью, я сама справлюсь. Завтра, правда.

Он согласился. Потом он будет повторять про себя это слово, «согласился», так часто, что оно потеряет смысл.

* * *

В шесть сорок утра телефон зазвонил снова.

Машина Даны Крисп стояла на пустой парковке у кофей-

ни, сумка лежала на пассажирском сиденье. Тело нашёл дорожный рабочий на заброшенном кирпичном заводе, на северной окраине, в трёх милях от города. Ночью выпал снег, и всё вокруг было белым, нетронутым, кроме одной тропки следов, которая обрывалась на дороге.

Майкл шёл по этой тропке и считал шаги, чтобы не думать.

Дана лежала на боку, как Эмили. Руки уложены тем же жестом. Форма с вышитым логотипом на воротнике: тёмная юбка, белая блузка, поверх которой кто-то заботливо набросил её же пальто. На шее вторая пара колготок.

— Он её укрыл, — сказал Джозеф, и по голосу Майкл понял, что напарник держится на последних силах. — Майк, он укрыл её пальто.

— Вижу.

— Это одна из кофейни. Опять.

— Вижу, Джо.

— А если совпадение?

Майкл повернулся и посмотрел на него. Джозеф сам услышал, как это звучит, и отвёл глаза.

— Машина осталась на парковке, — тихо сказал Майкл. — Девушка, которая три месяца знает, что в городе убийца, не уходит ночью в лес с незнакомым. Она подошла к кому-то, кого не боялась. Или кого не заметила.

* * *

Уолтер Пирс встретил их в коридоре морга в зелёном ха-

лате. Выглядел он так, будто тоже не спал, но руки были спокойны.

— Узел идентичен узлу мисс Хартвелл, — сказал он вместо приветствия. — Нейлон, двойной оборот, затяжка под углом. Время смерти между половиной одиннадцатого и полночью. Я проверил дважды: чужих следов нет, ни волокон, ни биологического материала. — Он помолчал. — Мне очень жаль, детективы. Она была совсем юной.

— Это один и тот же человек, — сказал Майкл.

— Я не вправе делать такие выводы. — Пирс снял очки и устало потёр переносицу. — Но если бы вы спросили меня как человека, а не как специалиста, я бы сказал, что вы правы.

Когда они вышли, Джозеф долго молчал в машине.

— Странно, да? — сказал он наконец. — Человек всё время ходит рядом со смертью, а говорит о ней как о живой.

— Работа такая, — ответил Майкл и завёл двигатель.

* * *

К вечеру в городе узнали всё.

Окно кофейни скрылось под цветами и записками. Рядом, на подоконнике, кто-то поставил две рамки: Эмили и Дана, обе улыбаются, обе в одной форме, и от этого сходства у прохожих сжималось горло. Площадь перед мэрией на этот раз не наполнилась людьми: многие просто не пришли. Страх, который осенью был острым, превратился в тихий и липкий.

Шерил Дэвенпорт читала новости без листа. Листы лежа-

ли на столе, но она на них не смотрела.

— Второй раз за три месяца, — сказала она. — Я двадцать восемь лет говорю вам, что в Брайар-Крик всё в порядке. Сегодня не скажу. Не могу.

Мэр Бёрнс не вышел к людям. В новостях его кабинет показали за закрытыми шторами.

* * *

Шеф Шоу собрал совещание в восемь вечера. Он сидел во главе стола, и Майкл впервые заметил, как постарел за эти месяцы его начальник.

— Слово «серийный» в этом здании не произносится, — сказал Шоу.

— Тогда как вы это назовёте, шеф? — спросил Майкл.

Шоу долго смотрел на фотографии на доске.

— Из штата пришлют аналитика через две недели. До тех пор вы работаете вдвоём, плюс двое патрульных. Любую информацию, любую мелочь, любую жалобу на странного соседа вы проверяете сразу. Всё, что связано с кофейней.

— Мы начнём с кофейни, — кивнул Майкл. — Сегодня же.

* * *

Джуди Марлоу, хозяйка «У Мэйн-стрит», сидела в тёмном зале, не включая свет. Руки у неё лежали на коленях так неподвижно, что казалось, она забыла, как ими двигать.

— Две девочки, — повторяла она. — Две девочки за одну зиму. Я сама их брала на работу.

Она отдала всё, что просили: чековые ленты за три месяца, журнал смен и список клиентов, которым выдавали карточки лояльности. Сорок три фамилии. Также запись с камеры, но Джозеф, посмотрев систему, только покачал головой.

— Хранится тридцать дней и перезаписывается. Октябрь уже стёрт. А камера смотрит на кассу, не на зал. Место у окна, где сидел тот приезжий, в слепой зоне.

— Конечно, — сказал Майкл. — Иначе было бы слишком просто.

Они разложили сорок три фамилии на столе в участке. Джозеф работал методично, как привык в армейской полиции: убрал женщин, убрал подростков и стариков, оставил мужчин от двадцати пяти до пятидесяти пяти, живущих в городе. Осталось девять имён. Среди них Грег Холлоуэй, школьный тренер, который заходил в кофейню каждое утро в семь десять и по средам в три часа дня. Дана в разговорах упоминала, что он «всегда оставляет чаевые и шутит про погоду».

Ещё Эйб Фуллер, хозяин универмага на Мэйн-стрит. В личных записях Джуди нашлась строка: именно он в сентябре лично привёз для кофейни новую партию формы. Тёмные юбки, белые блузки.

— Осень, — сказал Джозеф. — Форму привезли за месяц до первого убийства.

— Значит, пока никого не вычёркиваем, — сказал Майкл.

— Есть ещё одна проблема. — Джозеф постучал по спис-

ку. — Ни один из девяти не приехал в город после сентября. Все местные. А тот, про кого говорила Дана, приезжий. Его здесь нет.

— Потому что он платил наличными, — медленно сказал Майкл. — Иначе в записях был бы след.

Они переглянулись. Наличные в двадцать первом веке казались почти насмешкой: вычислить человека, который расплачивается мятыми купюрами, нельзя, пока не увидишь его лицо.

* * *

Поздно ночью Майкл остался в участке один. На столе лежал блокнот с записью, сделанной во вторник вечером, ещё до того, как он узнал о Дане. Всего одна фраза, подчёркнутая дважды:

«Он один раз заговорил со мной».

Что он сказал? Что она вспомнила, расставляя чашки в пустом зале за час до смерти? Что показалось ей настолько странным, чтобы позвонить полицейскому, и настолько личным, чтобы не говорить по телефону?

Он смотрел на блокнот так долго, что буквы поплыли. А потом выключил лампу и пошёл домой, где его ждала дочь, оставленная в джинсах, и жена, которая, как он знал, не спит.

Глава 6. Браслет

Инспектор по условно-досрочному освобождению Фрэнк Оукли положил распечатку на стол и придвинул её двумя пальцами, как неприятный счёт.

— Запрос ушёл ещё в ноябре, — сказал он. — Данные пришли в понедельник. Государственные серверы, детективы, вы же знаете.

На листе были две колонки цифр и серая карта с точкой в центре: трейлер за рекой. Майкл повёл пальцем по строчкам. Октябрьская ночь, точка не двигается. Январская ночь, точка не двигается.

— Он носит браслет с августа, — продолжал Оукли. — Заряда хватает на шесть часов, потом нужно сидеть у розетки. Ваш Бишоп каждый вечер с десяти до полуночи привязан к стене, как телефон. А радиус по инструкции пятьдесят метров. В обе ночи он не отходил от дома ни на шаг.

— Вы знали, что мы им интересуемся, — сказал Джозеф.

— Мне сказали, что на него бросили кирпич. О подозрении никто не говорил.

Они вышли на парковку молча. Джозеф пнул камешек.

— Три месяца, Майк. Мы три месяца держали человека под подозрением из-за того, что у него нет алиби. А алиби было всё это время, привязанное к его ноге.

— Ты запрос отправил.

— Это не оправдание.

* * *

Доски на окне трейлера были прибиты неровно, одна шляпка торчала косо. Рэй Бишоп колол дрова у крыльца и не остановился, пока не доколол полено.

— Про браслет я знаю, — сказал он, не дожидаясь вопроса. — Он на мне с августа.

— Вы могли сказать нам в ноябре.

— Я говорил, что был дома. Вы слышали «алиби нет». — Он поставил топор. — Браслет, детектив, это тоже я, только на проводе. Кто поверил бы проводу скорее, чем человеку?

— Мы поверили.

— Через три месяца. И после того, как мне разбили окно.

Майкл хотел извиниться, но слова казались слишком лёгкими для этих досок. Он сказал просто:

— Шеф выпустит заявление сегодня. Официальное. К вам вопросов нет.

— Заявление прочтут те, кто и так не бросал кирпичей. — Бишоп поднял полено, повертел его в руках. — Остальным нужен кто-то. Они найдут другого.

— Мы найдём настоящего.

— Найдите. — Он кивнул в сторону реки, за которой чернела лесополоса. — Только он не будет похож на меня. Такие, как я, видны сразу: шрам, судимость, взгляд. А тот, кто это делает, наверняка такой, что вы ему руку пожмёте и не заметите.

Майкл уже шёл к машине, когда Бишоп окликнул его:

— Кстати, а кто это был, высокий, в сером пальто? Он стоял тут после кирпича. Единственный, кто спросил, не порезало ли меня стеклом. Остальные снимали на телефоны.

— Не знаю. — Майкл пожал плечами. — Может, из социальной службы.

— Может, — сказал Бишоп и снова взялся за топор.

* * *

Выпуск в 18:00, четверг

— Полиция сняла все подозрения с Рэя Бишопа, жителя города, о котором на прошлой неделе говорили в интернете, — сказала Шерил Дэвенпорт. — Шеф Шоу подтвердил, что в моменты обоих убийств он находился дома. Окружная прокуратура готовит официальное извинение.

Она замолчала, и пауза вышла длиннее эфирной.

— Мне кажется, мы все должны ему что-то большее. Но я не знаю что.

* * *

Школьный спортзал пах резиной и мастикой. Грег Холлоуэй, тренер по волейболу, сидел на скамье у стены и мял в руках свисток на шнурке. Он был крупный, добродушный, из тех, кого дети слушаются без крика, и сейчас эта добродушность сползала с него, как мокрая куртка.

— Кофейня, — повторил он. — Да, я там бываю. В семьдесят, перед первым уроком, и по средам в три. Джуди даже мою кружку держит отдельно.

— Эмили Хартвелл вы знали? — спросил Майкл.

Свисток замер в его ладони.

— Тренировал три года. Лучший связующий, какого я видел. — Он говорил тихо. — В прошлом июне она пришла ко мне после выпуска. Не поступила в колледж, пошла работать, копила на следующий год. Я сказал ей, что она сильнее, чем думает.

— А Дана Крисп?

— Не мою. Она на три года старше. Просто кассир, просто «привет, тренер». — Он поднял глаза. — Вы же не думаете...

— Мы ничего не думаем, мистер Холлоуэй. Мы проверяем всех, кто был связан с кофейней. Где вы находились в ночь на двадцать первое января?

Тренер ответил слишком быстро:

— Дома. Один. Я живу один.

— А в октябре, в пятницу, когда убили Эмили?

— Был на выезде с командой. Вернулись поздно, потом разошлись.

— Во сколько вернулись?

— Не помню. Около одиннадцати.

Джозеф записал это в блокнот и поднял глаза, как смотрят, когда понимают, что собеседник врёт. Майкл тоже понял. Он не знал только, в чём именно. Холлоуэй так упорно смотрел на свисток, будто в нём был спрятан ответ.

— Автобус вернулся в десять сорок, — тихо сказал Джозеф, когда они вышли. — Я уже проверил. Водитель говорит,

тренер сошёл первым и ушёл пешком, а не к своей машине.

— Это ещё ничего не значит.

— Это значит, что он врёт, Майк.

— Врёт, — согласился Майкл. — Но врут по разным причинам.

* * *

Поздно вечером они остались в участке вдвоём. На доске в центре висели два снимка: Эмили и Дана, обе улыбаются, обе в форме. Вокруг, как сухие листья вокруг лужи, были наклеены карточки с девятью фамилиями. Раньше рядом висела карточка Рэя Бишопа. Джозеф снял её сам, молча, и аккуратно положил в ящик стола.

— Холлоуэй, Фуллер, — сказал он. — Остальные семеро пока чисты, но мы их не закрыли.

— Фуллер завтра.

— Знаю.

Некоторое время они смотрели на доску.

— Если он держится графика, — сказал наконец Джозеф, — у нас до апреля.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что это значит, что мы согласны ждать.

Джозеф ничего не ответил. Майкл достал маркер и под двумя снимками написал одно слово, которое они оба давно думали, но никто не произносил вслух:

«Он».

Не «преступник», не «подозреваемый», не «неизвестный мужчина». Он. Тот, кто дышит в этом же городе, пьёт воду из тех же кранов и, наверное, прямо сейчас сидит где-нибудь в тишине и никуда не спешит.

Глава 7. Универмаг

Универмаг Фуллера занимал два этажа в самом центре Мэйн-стрит и пах нафталином, новой обувью и ещё чем-то сладковатым, давно ушедшим. Эйбрахам Фуллер, пятьдесят восемь лет, сам встретил детективов у кассы. На шее у него висела портновская лента, а пальцы были мягкие и очень чистые.

— Я знал, что вы придёте, — сказал он. — После фотографий форменных юбок в новостях сложить два и два нетрудно.

— Вы поставляли форму в «У Мэйн-стрит», — сказал Майкл.

— Лично привёз в сентябре. Джуди просила срочно, девочки неделю работали в обычных платьях. Я не горжусь этим заказом, детективы, но и скрывать его не собираюсь.

Он говорил гладко, слишком гладко. Джозеф, листая блокнот, остановился на нужной строчке.

— Нейлоновые колготки вы продаёте?

— Конечно. Чёрные, телесные, плотные. Тридцать, сорок пар в месяц. Вы думаете, я веду учёт, кому именно продал? — Фуллер хмыкнул, но уголок его рта дёрнулся. — Весь город ходит в них зимой.

— Где вы были двадцать первого января с десяти до полуночи?

— На складе. Инвентаризация. Я делаю её каждый январь, ночью, когда никто не мешает.

— Один?

— Один.

— Кто-нибудь вас видел?

— Задняя дверь выходит в переулок. Там была камера, но её разбили ещё осенью. — Он развёл руками. — Понимаю, как это звучит.

В глубине зала, за стеллажами с перчатками, была узкая дверь, обитая жестью. Джозеф кивнул на неё:

— Что там?

— Склад, детектив. Тот самый.

— Можно посмотреть?

— Через неделю, когда придёт ревизор из налоговой. — Фуллер перестал улыбаться. — Если у вас есть ордер, я открою. Если нет, мне не нравится, когда в моём магазине ходят с блокнотами и подозревают меня.

Ордера не было. Они вышли на улицу, и Майкл ещё долго чувствовал на спине взгляд из витрины.

— Он что-то прячет, — сказал Джозеф.

— Все что-то прячут, — ответил Майкл. — Вопрос в том, что именно.

* * *

Февраль и март слились в одну серую череду допросов.

Они опросили всех девятерых, а потом ещё двадцать человек, которые просто мелькали в записях Джуди Марлоу.

Аптекарь из соседнего дома оказался в день убийства Даны в больнице у умирающей матери. Двое братьев-механиков в октябре возвращались с рыбалки и попали на камеры каждой заправки по пути. Пенсионер Хэнк Олсон, тот самый, чья собака нашла Эмили, пришёл сам и сказал, что хочет помочь, потому что больше не спит.

К середине марта осталось двое: Фуллер, у которого была закрытая дверь и слабое алиби, и Холлоуэй, у которого не было ни того, ни другого.

* * *

Тем временем из штата приехала Диана Крейн.

Ей было около сорока, тёмные волосы собраны в пучок, на плечах мужской серый пиджак. Она вошла в зал совещаний с коробкой папок и сказала шефу Шоу, что слово «серийный» она произнесёт в первую же минуту, и он может выйти, если ему не нравится.

Шоу остался.

— Он организованный, — сказала Крейн, постукивая по доске. — Интервал в три месяца указывает на цикл: потребность растёт, как давление в котле, потом спадает, потом растёт снова. Девушек он не выбирает по внешности, он выбирает по детали. Форма, юбка, колготки. Для него это не фетиш в обычном смысле, это спусковой крючок. Он видит то, что запускает механизм.

— А почему он их укрывает? — спросил Джозеф.

— Потому что ему не всё равно. После убийства он не

ликует, а жалеет. Это не раскаяние, это процесс. Он убирает за собой. Для таких людей это важная часть ритуала.

— Что мы можем сделать? — спросил Майкл.

— Искать человека, которого вы не замечаете. Он живёт здесь, ходит по тем же улицам, здоровается с вами. У него нет судимостей. Скорее всего, ровная биография, тихая работа, никаких жалоб от соседей. — Она посмотрела на него прямо. — Тот, кто сидит у вас под подозрением из-за шрамов или нервного взгляда, почти наверняка не он.

— Бишоп выглядел как убийца, — сказал Джозеф. — И им не был.

— Вот именно. — Крейн закрыла папку. — Господа, у вас есть до апреля. Пользуйтесь.

После совещания Майкл догнал её в коридоре.

— Вы говорите так, будто третья жертва уже решена.

— Она не решена, детектив, — сказала Крейн. — Но она запланирована. Просто он пока не знает её имени.

Глава 8. Тридцать восемь камер

— Тридцать восемь камер, — сказал Джозеф и положил на стол распечатку с аккуратной таблицей. — Установлены в девятнадцатом году на грант штата. Пять лет назад подрядчик обанкротился, обслуживание закончилось. Из тридцати восьми исправны девятнадцать.

— Ровно половина, — сказал Майкл.

— Ровно половина.

Он выложил на карту синие и красные точки. Центр города был покрыт плотно, а вот окраины зияли прорехами. Камера у старого кирпичного завода не работала с двадцать первого года. Камера на заднем дворе кофейни тоже.

— Работает только одна, — Джозеф показал на угол Мэйн-стрит и Четвёртой. — Она смотрит на выход из кофейни и на часть заднего двора. Я запросил запись за двадцать первое января. Хранилась случайно, потому что система перезаписывает всё по кругу, а эту ветку отключили для ремонта.

Он включил монитор.

На экране была ночная улица, мокрая от снега. Дана вышла из двери кофейни в пальто, с сумкой через плечо. Постояла секунду на крыльце, поправила шарф. Затем пошла в сторону заднего двора, где стояла её машина. Камера захватывала только край парковки.

В кадре Дана подошла к машине, достала ключи. И вдруг остановилась.

— Смотри на лицо, — тихо сказал Джозеф.

Дана повернулась на звук. Что-то привлекло её внимание за пределами кадра, слева, там, где камера уже не видела. Она замерла, потом лицо у неё изменилось. Не испуг, не удивление. Она улыбнулась.

Это была лёгкая, чуть смущённая улыбка человека, увидевшего знакомого. Она сказала что-то, шагнула в сторону и вышла из кадра.

Запись продолжалась ещё сорок секунд, пока на парковке не осталась только пустая машина и падающий снег.

Майкл смотрел на экран, не двигаясь.

— Она не боялась, — сказал он.

— Нет.

— Три месяца в городе маньяк, а она улыбается. Значит, это тот, кого она знала.

— Или тот, кто выглядел безопаснее всех на свете.

Майкл перемотал запись и посмотрел ещё раз. Потом ещё. Тихий снег, улыбка, пустая парковка.

* * *

Окружной морг находился в двадцати минутах езды от города, и Уолтер Пирс встретил их у служебного входа, без халата, в тёмном свитере и очках. На столе в его кабинете стоял китайский термос и лежала раскрытая книга обложкой вниз.

— Я как раз собирался вам звонить, — сказал он. — При-

саживайтесь. Чаю? Кофе не держу, не пью. Только чай.

— Спасибо, нет, — ответил Майкл.

— Тогда по делу. — Пирс достал две папки и аккуратно положил их рядом. — Я перечитал оба заключения. Вы просили вспомнить всё, даже мелочи.

— Нас интересует нейлон, — сказал Джозеф.

— Я так и думал. Обе пары одной модели, чёрные, двадцать ден, стандартная торговая упаковка. На ткани нет складских волокон, значит, они были куплены недавно. Скорее всего, по одной паре в месяц-два до убийства, чтобы не накапливать улики.

— Фуллер продаёт такие.

— Такие продают в трёх магазинах округа, а ещё их можно заказать в сети. — Пирс чуть улыбнулся одними губами. — Простите, детектив. Я знаю, что вам хочется дать мне имя, но следы нейлона не называют имён.

— Узел? — спросил Майкл.

— Правой рукой, с левым плечом чуть выше. Правша. Но так делает почти каждый второй. — Он помолчал. — Я бы не стал строить версию на этом.

Он говорил спокойно, выверенно, как человек, всю жизнь проживший в тишине. Майкл наблюдал за его руками: пальцы лежали на папках неподвижно, без нервной дрожи, без суеты.

— Вы работаете один? — спросил он вдруг.

— Мой помощник приходит три раза в неделю, остальное

делаю сам. — Пирс пожал плечами. — Привык. Мёртвые не требуют разговоров.

— Мы хотели бы, чтобы вы ещё раз проверили вещи жертв, — сказал Джозеф. — Одежду, обувь, мелочи в карманах. Что угодно.

— Уже проверил. И буду проверять снова. — Он взглянул на детективов поверх очков. — Знаете, что самое тяжёлое? Он ничего не оставляет на телах. Совсем ничего. Я работаю с каждой так, будто ищу иголку в стоге сена, а стога нет.

Он взял термос, налил себе чаю в крышку, отпил и осторожно поставил её на стол.

— Можно один вопрос не по протоколу? — сказал он.

— Конечно.

— Вы проверяли тренера? Холлоуэя. Я видел его на прощании с Эмили. Он плакал не так, как плачут просто знакомые. — Пирс снял очки и устало потёр переносицу. — Я не психолог и не следователь. Но когда много лет смотришь на людей рядом со смертью, начинаешь различать оттенки.

Майкл и Джозеф переглянулись.

— Мы его проверяем, — сказал Майкл.

— Я не сомневался. Простите, не моё дело.

Они попрощались. Уже на лестнице Джозеф сказал:

— Хороший мужик. Единственный, кто здесь не боится говорить вслух.

— Он каждый день с ними разговаривает, — ответил Майкл. — Привык.

Он обернулся напоследок. Окно на первом этаже светилось ровным жёлтым светом, и в нём, чуть склонив голову над книгой, сидел человек, который ждал, пока они уедут.

Когда машина тронулась, Джозеф посмотрел на календарь на телефоне.

— Тридцать четыре дня, — сказал он.

— До чего?

— Ты знаешь.

Майкл знал. Он прокручивал в голове лицо Даны на записи: улыбка, слегка склонённая голова, лёгкое смущение. Человек, которому ты веришь, не называет себя врагом.

Он сжал руль.

— Тогда у нас тридцать четыре дня, чтобы его найти.

Глава 9. Южная ветка

Апрель пришёл в Брайар-Крик с оттепелью. Снег сошёл за три дня и оставил чёрную землю и воду в каждой канаве. Город впервые за зиму пах не дымом, а мокрой корой, люди выходили на улицу осторожно, как после болезни, и некоторые даже улыбались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.